

КОНЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПЕРСОНАЛИЗМА Н. А. БЕРДЯЕВА

А. А. Битюцкая

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 сентября 2019 г.

Аннотация: *в статье обоснован феномен творческого персонализма, повлиявший на развитие русской философии XX в. В ходе исследования выявляется следующее. Во-первых, категория «антроподицея» откроет новый вектор для русской философии. Во-вторых, воззрения Н. А. Бердяева зададут основу экзистенциализма и эстетики Серебряного века.*

Ключевые слова: *творчество, Серебряный век, Н. А. Бердяев, антроподицея.*

Abstract: *the article substantiates the phenomenon of creative personalism, which influenced the development of Russian philosophy of the twentieth century. The study reveals the following. First, the category anthropodicy will open a new vector for Russian philosophy. Secondly, N. A. Berdyaev's views will set the basis for existentialism and aesthetics of the Silver age.*

Key words: *creativity, Silver age, N. A. Berdyaev, anthropodicy.*

Кульминацией русского религиозного ренессанса станут персоналистические воззрения последнего представителя Серебряного века – Николая Александровича Бердяева. Н. А. Бердяев был самым известным русским философом за границей. Многие исследователи будут высоко оценивать его вклад в мировоззренческую науку, отдавая ему первое место в пари с софиологами, а философы периода *nouvelle vague* будут именовать его «*rèpe russe*».

Свою оригинальную парадигму мыслитель начинает формировать еще в юности: томительная преданность соловьевской Софии, вовлеченность в несмеловский персонализм и доскональное изучение немецкого мистицизма стали основой творческого экзистенциализма.

Первый исток – всеединство Владимира Соловьёва. Бердяев не заимствует вселенскую мудрость в полноценном формате, как это делали Булгаков и участники декадентских течений; он делает циничный выговор великому русскому философу в телесном растворении и воплощении Софии в мире. София, для своего создателя, уже воплощенная идея, но она воплощена не в лучшем мире, а в обычном. (Возможно, такая рьяная позиция свидетельствовала о ненавистном отношении к материализму и выходу из «легального» марксизма.) Избавившись от телесного флёра, философ предлагает стремиться к духу, который открывает чувственный процесс познания. Дух должен вытеснить онтологический процесс, заменив его историографическим. (Не случайно, у мыслителя присутствует

большое количество трудов, отражающее активное слияние исторического и социологического процесса. Например, изучение неравенства, как философемы. Здесь и не казуален тезис про новое Средневековье, которое будет должно вырвать дух из темницы русской души.)

Второй исток – эклектическая мозаика немецкой мистики. Если делать подробный разбор воззрений Н. А. Бердяева, то сложно понять, кому именно он отдавал свое предпочтение. В его работах можно увидеть штрихи средневекового секуляризма Святого Бонавентуры, субстанциональной отрешенности к божественному началу, созданной Экхартом, концепцию становящегося абсолютного начала, сотворенную в период позднего европейского мистицизма. Скоррелировав наброски альманских изысканий, философ экспонирует, что у божественного абсолюта есть темная бездна, выражая ее в категориальной форме теодицеи.

Третьим и самым главным истоком будет влияние концепции религиозного персонализма В. И. Несмелова. Персоналистическая парадигма заключалась в том, что в отношении индивида с Богом (как и в доказательстве божества) следует исходить из позиции единичной личности. Таким образом, личность человека становится тождественна личности трансцендентного Бога. Персона воплощает уникальный образ, созданный по подобию Божию, и непосредственное существование. Молодой философ самозабвенно заимствует практически все несмеловские идеи, опубликовав в сборнике «Вехи» свои ювенальные фантазии над религиозной антропологией. Именно после размышлений в «Вехах» появится та самая знаменитая бердяевская антроподицея и экзистенциально-персоналистическая синтагма, провозгласившая новую эру не только в русской философской мысли, но и в европейской науке.

Объединив вышеуказанные истоки, Н. А. Бердяев ставит перед собой задачу, которую уже когда-то ставил Владимир Соловьёв: обновить религиозные начала ортодоксальной церкви. Для выхода из кризиса и расщепления архаических устоев православия, по мнению мыслителя, требовался полноценный глоток свободного и творческого воздуха, который подавлялся церковно-приходскими учебными заведениям еще в зачатке человеческого сознания. Воплотить поставленную цель должна была уникальная категория «антроподицея».

Антроподицея – это третье антропологическое направление, созданное Н. А. Бердяевым. Новое направление, словно дополнительная ипостась, открывало ящик с творческой религиозной эпохой. В грядущей эпохе действовать будут свобода и творчество: «...Я противопоставлял “бытию” “творчество”. “Творчество” не есть “жизнь”, творчество есть прорыв и взлет, оно возвышается над “жизнью” и устремлено за границу, за пределы, к трансцендентному. Тоска исходит от “жизни”, от сумерек и мглы “жизни” и устремлена к трансцендентному. Творчество и есть движение к трансцендентному. Творчество вызывает образ иного, чем эта “жизнь”...» [1, с. 62]. Даже в этой сентенции можно уловить мимолетное отступление от теодицеи. Философ будет считать, что эра религиозного творчества должна будет искоренить зло, распространив антроподицею

в мире. В первое время победить зло будет тяжело из-за социального неравенства и догматического отношения к переменам, но впоследствии наступит благоденствующая эпоха.

Не только одно зло мешало светлому будущему. Еще один резон прпятствий был в человеке. Среднестатистический индивид начала XX в. был обычным филистером с твердым религиозным убеждением и сокровенным чувством ничегонеделания. Его оппозиционер в лице интеллигенции был идеалом для Н. А. Бердяева, как эталон творческой эпохи. Много лет наблюдая на «Башне» Вячеслава Иванова различных приглашенных особ, мыслитель всё больше убеждался в своей правоте.

Он инкриминирует русским сословиям главную вину под названием «безусилие». Простая личность ходила на службы, вела свое хозяйство, но отказывалась созидать и сублимировать по собственной воле, хотя встречались некоторые исключения, которые, к сожалению, быстро затравливались общественным мнением. Оппоненты, наоборот, творили свободно и ярко, не боясь осуждения. Поэтому философ, будучи интеллигентным человеком, дезавуирует современным обществом и предлагает филистерским частям повернуть свою голову в сторону действующей богемы и брать с них пример. Творчество должно стать не просто религией, а идентичным спутником церкви. Безусловно, творчество может быть помощником Русской православной церкви: «...Русским был понятнее гуманизм христианский. Именно русскому сознанию свойственно было сомнение религиозное, моральное и социальное в оправданности творчества культуры. Это было сомнение и аскетическое, и эсхатологическое. Шпенглер очень остро и хорошо характеризовал Россию, сказав, что она есть апокалиптический бунт против античности...» [2, с. 103].

Когда всё общество перейдет в фазу усилия, можно будет говорить о начале творческого импульса. В порыве созидания Н. А. Бердяев видел проблески боготворения. Творчество становится объективацией познавательной способности человека. Познание совершается через нахождение гармонической любви: «...Любовь к Богу неотделима от любви к ближнему, любви к Божьему творению. Христианство и есть раскрытие богочеловеческой любви. Меня спасает, т. е. преображает мою природу не только любовь к Богу, но и любовь к человеку» [3, с. 140]. Индивид должен быть свободен и ставить свою персону и чувства на первое место. Стоит отметить, что такой тезис был премьерным для философии, только спустя несколько десятилетий такие же интенции активно будут развивать французские философы в виде экзистенциалов.

Бердяев считал, что человек должен был преображаться – вырываться из одностороннего существования, чтобы прийти к соловьёвскому Богочеловечеству. Для достижения свободы требовалось антропологическое откровение, которое содержалось в посюстороннем Меоне. Меон представлял собой несотворенную свободу, из которой Бог творит мир. Каждый человек был наделен частичкой неисполненной свободы, которую нужно было раскрыть с помощью творчества. Бог был властен над продуктом творения, но не мог распоряжаться меонической свободой.

(Философ оставляет в этом пункте ссылку на существование грехопадения в космосе. Из-за него в мире происходило отчуждение от познания божественного. Именно в этом Бердяев видел одну из главных гносеологических проблем своей творческой концепции.)

Наиболее ярко решение антропологической проблемы было представлено в работе «Смысл творчества». Ассимилируя обскурантское обрядоверие, мыслитель отходит от абстрактного гносеологизма в сторону персоналистической философии. Теперь жизнь человека составляют экзистенциалы: любовь, смерть, дружба, свобода. Все эти категории станут прообразом русского экзистенциализма. Премьерный тезис о свободе воспринимался критически окружающим обществом: «...Меня не без основания называли философом свободы. Тема о человеке и о творчестве связана с темой о свободе. Такова была моя основная проблематика, которую часто плохо понимали» [2, с. 278]. Многие зарубежные исследователи заимствуют данную концепцию для своих идейных систем.

Философию XX в. мыслитель объявляет антропологической. Он считает, что западные учения неокантианцев и феноменологов становятся человекоубийственными, скрывая дихотомию природных начал личности и создавая новоевропейскую гносеологическую схоластику. Подменяя мыслительный акт научными обоснованиями, происходит отчуждение от акта веры, который, по мнению Н. А. Бердяева, является первичным актом. Следовательно, сциентистские концепции убивали свободное творчество, которое требовалось индивиду. Поэтому философ предлагал радикально решить проблему человека. Первыми в неклассической философии обращаются к человеку Фридрих Ницше и Федор Достоевский. Их начинает интересовать человек, предоставленный самому себе, пытающийся преодолеть реализм и познать бытие-для-себя. Такой человеческой личностью интересуется и Бердяев.

Он утверждает, что современному обществу не хватает нового творческого бытия. Каждая наука пытается сотворить свое уникальное «со-бытие», порождающее культурный порыв. Не случайно мыслитель ссылается на яркую палитру революционного и анархического движения в конце XIX – начала XX в. Нонконформизм, бунт против классической догматики – единственное спасение человека в загнивающем мире.

Для этого нужно решить проблему природы познания. Творчество не должно входить в акт объективации и быть помощником постижения бытия. Оно обязано занимать индифферентную позицию, направленную на сохранение своего нейтралитета. Искусство должно быть большим зерном деятельной активности, проявляющейся в бытии. Такая установка, безусловно, влечет за собой иную гносеологическую парадигму.

Вводя новую эпистемологию, Н. А. Бердяев отдает предпочтение антропологической линии. Человек должен стать субстанциональным микрокосмосом и вселенским центром. Он обязан сотворить и подчинить бытие с помощью свободного творчества. После овладения личностью, как микрокосмос, сможет воплощать задуманное в макрокосмическом пространстве. Можно усомниться: насколько будет точно существовать та-

кой взгляд в рамках ортодоксальной концепции. Мыслитель предлагает резонный ответ – человеческая космичность, подавленная грехопадением, сможет существовать исключительно в творческую эпоху. Редукция искушения и греха катализирует творческий порыв, переводя его в фазу активного действия.

Творческий процесс становится абсолютным благом и несет высшую моральную ценность. Философ начинает ссылаться на евангельские истины и соловьевское богочеловечество. Он утверждает, что в идеальном варианте в творческой эре должна быть теургия, а творчество – богодействие. Конечно, такой вариант обрекает на дуализм, и даже на пантеистическую традицию, но философ успокаивает всех, делая ремарку, что христианство будет аксиоматической верой, а творчество станет фундаментом для формирования иной культуры, без интенции «греховного послушничества».

Богодействие немислимо без акта свободы. Только необремененный человек может подлинно сублимировать. Порыв зарождается из ничего, из Меона, который сохраняет тайну творения. Созидание становится недетерминированным, волюнтаристским процессом. Свобода формируется внутренне, экстерьерные влияния оказывают разрушительную силу. Она – природный порядок, хранящий потенциовечного источника активности. Большую роль играет казуальность, неприемлемая для рационалистического мышления. Свобода становится иррациональной: «...Свобода не может быть рационализирована, она не поддается познанию рассудочными категориями, но в ней живет божественный разум. Свобода – положительная творческая мощь, а не отрицательный производ» [4, с. 371]. Соответственно, и творчество обличается имплицитной бездной человеческого духа, спящего под сонмом догматических канонов. Свобода, как и сублимация, выводится на надприродную ступень эволюции. Таким образом, Н. А. Бердяев начинает именовать человека сверхприродным существом.

Первый русский экзистенциализм, представленный в виде бердяевской философии творчества, станет открытием для европейской мысли. Свободная философия завершит русский ренессанс, став хорошим подспорьем для исследователей. Несмотря на историческую обстановку, погрузившую мир в войны и революции, философ останется верен своим идеям и после эмиграции: «Мои взгляды на поверхности могли меняться, главным образом, в зависимости от моих иногда слишком острых и страстных реакций на то, что в данный момент господствовало, но я всю жизнь был защитником свободы духа и высшего достоинства человека. Моя мысль ориентирована антропоцентрично, а не космоцентрично» [2, с. 279].

Бердяевская философия впоследствии станет крупной культурной синтагмой. Я опушу заслуги перед французским экзистенциализмом, которые создали славу «великого русского философа зарубежья». Мне хочется отметить концепцию «Нового Средневековья», которая была сотворена мыслителем достаточно в молодом возрасте. Предчувствие возврата

к вещам, натуральному хозяйству казалось сказкой для предреволюционной России. Возгласы о новой сакральности, потерянной дворянством, были услышаны. И даже советская власть введет новый миф в людское сознание. Но дальше в отечественной историографии концепция растворится. Удивительно, что она даст о себе знать в трудах итальянского мыслителя Умберто Эко, который будет проводить параллели между актуальным бытием и средневековым.

Отечественный исследователь Александр Марков замечает, что «...Бердяев перешел от марксизма к идеализму. Иначе говоря, философ совершил умственный скачок от экономики народной жизни, скудных законов производственного бытия к политике народной жизни, извечно идеальной пред заданной» [5, с. 8]. Здесь нельзя не согласиться. Действительно, поворот в пользу идеалистического мира стал отправной точкой для творческой философии. Междисциплинарность воззрений пропагандировала эстетизм и новую реальность для Серебряного века. Философ будет пытаться реализовать свой проект практически: через творческий дух. Как покажет время, он этого достигнет и станет создателем аксиоматической религии творчества.

Литература

1. Бердяев Н. Самопознание : опыт философской автобиографии / Н. Бердяев. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 416 с.
2. Бердяев Н. Русская идея / Н. Бердяев. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 320 с.
3. Бердяев Н. Эрос и личность : философия пола и любви / Н. Бердяев. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 224 с.
4. Бердяев Н. Философия свободы. Смысл творчества / Н. Бердяев. – М. : Правда, 1989. – 608 с.
5. Бердяев Н. А. Трагедия и новое бытие / Н. А. Бердяев. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 320 с. – (Искусство и действительность).